

Любите ли вы театр?

«Любите ли вы театр, так, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением?.. Возможно ли описать... всю его магическую силу над душою человеческой?».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

Вот что на это ответила народная артистка РСФСР Элина БЫСТРИЦКАЯ.

— Ежедневно старые стены Малого театра словно молодеют — их заполняют зрители, почитатели театра. Я люблю наблюдать, как они рассказывают по местам, вливаясь в зал сначала только маленькими ручейками, которые постепенно становятся все шире, все полноводнее, сливаясь друг с другом и образуя одно сплошное море — неспокойное, волнующееся. Потом это людское море успокаивается, стихает, и наступает полный штиль — штиль перед поднятием занавеса. И вот, наконец, долгожданная минута: мы остаемся один на один — актеры и зрители...

«Любите ли вы театр!» — спрашивал в свое время Белинский. Да, мы любим театр так, как он нам завещал — «со всем энтузиазмом, со всем исступлением».

Любим, конечно, по-разному. Но именно эта любовь объединяет нас — актера и зрителя.

Разумеется, я говорю здесь об определенной категории зрителей. Ведь зритель зрительню рознь. Есть просто любопытные — слышали о спектакле, что-то их заинтересовало, решили посмотреть сами. Потом они опять много месяцев не вспомнят о театре, будут догосльствовать телевизором. Есть скептики, убежденные, что театр «отмирает», и пришедшие взглянуть на его «агонию». Есть, наконец, случайные зрители, берущие билет в любой театр, на любой спектакль, чтобы «убить» в театре вечер. Я не о них. Я о тех зрителях, в которых черпаем мы, актеры, силу и с которыми нас роднит любовь к театру.

Однажды ко мне за кулисы пришли после спектакля несколько женщин-ра-

ботниц. Познакомились. Поговорили об искусстве и о разных различиях. Прощаясь, я пригласила их на другой спектакль. Они опять пришли. Скоро я получила ответное приглашение — на Московский завод торговое машиностроения. Так завязалась наша дружба. У нас хорошие человеческие отношения, взаимная симпатия людей, объединенных общностью интересов. И это общее — наша любовь к театру.

Пятнадцать женщин из одной бригады. Разных — молодых и пожилых, только-только вступающих в жизнь и повидавших из своего века столько, что не на одну — на три жизни с избытком хватит. Теперь я знаю о них многое — знаю, скажем, что у одной неудачно сложилась личная жизнь, а у другой — единственный сын, в котором она души не чает; что вот эта невозмутимая, на первый взгляд, женщина никогда не пройдет мимо каких-то неполадок в жизни, а та, другая, — с виду насмешница и хохотушка — самая сердечная из всех: случись

у кого беда — она первая протянет руку. Мы часто встречаемся, много говорим, иногда спорим о нашей жизни, правде искусства, о ее действительной силе. И не передать словами, как много дает мне это общение! Мои новые подруги приняли меня в свою бригаду, сделали членом своего коллектива, и я очень горжусь этим. Но еще больше радуюсь я тому, что могу вот так непосредственно общаться с моими зрителями.

О таком зрителе с пристрастием может мечтать каждый актер. Они пересмотрели все спектакли Малого театра. Нет, они не делают мне комплиментов, не льстят, в придирчиво обсуждают все детали образа, подмечая то, что подчас трудно заметить мне самой. А как интересно, как живо и образно рассказывают эти женщины о своей жизни, о своем труде! Иногда я люблю себя на том, что люблюсь ими. Иногда думаю: вот этой интенции, этого жеста не хватало для моей новой роли, чтобы сделать ее жизненно достоверной. Это

для меня — своеобразный университет. И нет высшей награды за мой труд, чем доброджелательная, строгая и сдержанная оценка этих людей.

Каждое утро ко мне приходит почтальон. Я перебираю письма. Среди них — серьезные, деловые, трогательные, наивные. Одни благодарят, интересуются моими творческими планами, другие хотят знать, как стать актрисой, что для этого нужно, третьи просят совета по самым различным бытовым, моральным вопросам.

Наверное, без этих писем часто даже незнакомых мне людей моя жизнь была бы беднее. Потому что, читая их, я убеждаюсь, что мое искусство нужно людям, что оно помогает им хоть в чем-то — пусть в самом малом — на сложном и многотрудном жизненном пути.

Выходит, что нам — актеру и зрителю — друг без друга не обойтись, что если не будет полной гармонии сцены и зала, то не будет радости ни актеру, ни зрителю.